1

Кажется, только ленивый не высказывался о недостатках ЕГЭ – и в газетно-журнальных публикациях, и в телерадиоэфирах. Внесу и я свою лепту в это гиблое дело – от учителя русского языка. Хотя почему «лепту»? Масло в огонь!

Меня всегда удивляло, что критики единого государственного экзамена обходят стороной настоящую причину, в которой и кроется корень зла. Не видят? Или не хотят видеть? Казалось бы, стоит только сопоставить, чему мы учим и какие навыки проверяем с помощью ЕГЭ, и противоречие раскроется.

Учим мы на уроках русского языка, по большому счёту, думать, говорить и слушать, писать и читать, то есть трем видам речи – внутренней, устной и письменной, – каждая из которых имеет свои особенности, живёт по своим законам. То есть логично было бы на выпускном экзамене проверить, насколько успешно учащиеся овладели навыками этих трёх видов речи.

А что проверяется с помощью тестов ЕГЭ на самом деле? Проверяется умение учащихся разгадывать «кроссворды», которые придумывает Федеральный институт педагогических измерений. Да, решение тестов можно воспринимать как увлекательную игру, в которой требуются знания, хорошая память и... «натасканность» на определённый вид упражнений. ЕГЭ – очень полезно для будущих корректоров, редакторов – для тех специалистов, в чью задачу входит выискивание ошибок. Только «решение кроссвордов» и «выискивание ошибок» – это совершенно другие навыки. А навыки речи, что было бы естественно и уместно, не проверяются. Абсолютно. Предлагаемое шаблонное мини-сочинение – не в счёт и вызывает у учителей-практиков грустную улыбку.

Учителя русского языка в выпускных классах остро чувствуют это противоречие. Они стоят перед выбором: то ли учить детей как положено, по программе, то ли лихорадочно «натаскивать» их по тестам ЕГЭ. Второе чаще всего побеждает. Во-первых, потому что работа учителя оценивается по результатам ЕГЭ, а во-вторых, потому что давят родители, которые нервничают и, чем ближе к экзаменам, тем сильнее начинают выражать своё недовольство, если преподаватель мало времени уделяет тестам.

Я думаю, что отцы-основатели – или матери-родительницы – ЕГЭ и сами чувствуют слабые места государственного экзамена, но «стесняются» признать свои ошибки. По крайней мере, введение итогового сочинения было вынужденным, но прогрессивным шагом к возвращению старой, проверенной годами формы экзамена – сочинения на оценку. Осталось всего-то ничего – отказаться от тестов. Наработки ЕГЭ при этом не пропадут: их вполне можно использовать в практической работе учителей русского языка.

Форма итогового сочинения, конечно, никуда не годится. Об этом стоило бы поговорить отдельно. К примеру, прове-

сти круглый стол в «Бельских просторах», которые из года в год, с самого введения нового экзамена не только отслеживают эту тему, но и публикуют практические материалы. А пока для сравнения приведу темы сочинений по русскому языку и литературе, которые предлагались в начале XX века: Личность Ломоносова по лирическим его произведениям, «Бедная Лиза» Карамзина и рассказ Тургенева «Свидание» (сравнение литературных направлений), «Бедная Лиза» Карамзина и «Бедные люди» Достоевского (проблемы русского сентиментализма), Идеи патриотизма в предисловии к «Истории государства российского». Это из пособия по сочинению А. Новикова, изданного в Санкт-Петербурге в 1914 году. А вот темы последнего итогового сочинения: Может ли отзывчивый человек быть одиноким?, Какого человека называют целеустремленным?, Согласны ли Вы с мнением, что смелость – это способность преодолевать страх?, В чём могут быть истоки дисгармонии между личностью и обществом? Один из моих учеников сказал, что ему достаточно знать только одно произведение, чтобы ответить на все эти вопросы – «Герой нашего времени» Лермонтова. Зачем тогда читать другие книги?

2

Просматриваю недавнюю прессу: «Министр образования Ольга Васильева призвала бороться с косноязычием школьников».

А зачем призывать-то? Вы же министр. У вас есть рычаги управления, финансирование, аппарат чиновников. Боритесь!

«По мнению главы ведомства, российские дети страдают косноязычием. Министр также считает, что школьники плохо могут донести до собеседника какую-то информацию».

Я часто выступаю в школах, беседую с детьми, что-то не замечал, что они плохо говорят по-русски. Процент косноязычных был всегда. Полагаю, что после реформ в образовании он стал выше, но нисколько не катастрофичен.

«А дошли мы до этого по нескольким причинам. Первая кроется в том, что современные дети мало читают...»

Если журналисты не исказили слова министра, то сказанное – глупость. Дети говорят плохо вовсе не оттого, что мало читают, а потому, что мало говорят. Это разные навыки, для которых требуется разная практика. Для того чтобы хорошо писать, надо много писать; для того чтобы хорошо читать, надо много читать; для того чтобы хорошо говорить, надо много говорить – учиться готовить речи, выступать перед аудиторией и т. п.

Повторю для тех, кто не в теме: конечно же, всё взаимосвязано. Чтение способствует и мыслительному процессу, и говорению, но практика-то разная. Если только много читать, говорить и писать не научишься, как не научишься водить автомобиль, хорошо изучив правила дорожного движения. А чему можно научиться, решая лишь тесты? Ответ же очевиден – верно расставлять буковки, выбирать из нескольких ответов правильный. Хорошие это навыки? Несомненно. А станут ли дети думать, писать и говорить, обладая этими навыками? Не факт. Есть большие сомнения.

«В 2018 году девятиклассники будут сдавать устный экзамен по русскому языку в обязательном порядке». Замечательное решение! Долго думали? То есть предмет риторики в школе не преподаётся, а экзамен по нему будет?

Ну да, это ж совершенно естественно: зачем вкладывать деньги в образование, если их можно просто «освоить» (или присвоить) под благовидными целями, разрабатывая методики и инструкции проверок. При этом исполнителям на местах... ничего не платить. Пусть регионы сами выкручиваются.

А какого результата вы ждёте от этого экзамена? И что будете делать с детьми, которые получат двойки? Не допустите к выпускным экзаменам? Оставите без аттестата? Не дадите возможность поступить в училище и получить рабочую профессию?

Мне думается, в последнее время существует явный перекос в сторону контроля. Без него, разумеется, никак, если есть что проверять. А то у нас всё ставится с ног на голову – сначала проверять, а потом, может быть, и учить. Так, например, благодаря мудрому руководству министерства образования долгое время

выпускного сочинения в школе не было. Так долго, что учителя, умеющие писать сочинения, практически вывелись. И вдруг бац – и итоговое сочинение: те, кто получит незачёт, не будут допущены к ЕГЭ. А какое моральное право имели руководители образования так заявлять, если сочинению долгое время не учили?

Родители выпускников не дадут соврать, и сейчас из-за нехватки часов учителя задают писать сочинения на дом. В лучшем случае объяснят тему и предложат план. Но при любом обучении важно не только объяснять, но и показывать, как это делается. На первых порах следует писать сочинение вместе с учеником, направляя неопытное перо и предупреждая ошибки. Так, к примеру, мастер-плотник показывает подмастерью, как держать топор и каким образом из берёзовой чурки вырубить новое топорище. Только научившись владеть инструментом, плотник начинает решать более сложные, оригинальные задачи. Спросите у выпускников, какими инструментами они научились владеть при работе над сочинениями, и получите плачевный ответ. Как правило, это шаблоны, на которые ЕГЭ и провоцирует.

С экзаменом по говорению ситуация в точности повторяется. Говорить не учили, а если ребёнок получит незачёт, то не допустят к ЕГЭ. Можно, конечно, с пеной у рта утверждать, что говорить учат на всех предметах, а не только на русском языке. Да, но тогда мы говорим о разных вещах. Риторика – это отдельная дисциплина, которая отличается от других предметов, в том числе и от русского языка, своими задачами и содержанием, методами и приемами преподавания. Только при целенаправленной работе, применяя специфические учебные технологии, можно сформировать требуемые коммуникативные умения и навыки.

Да, контроль, конечно, нужен. Но зачем его связывать с недоверием к учителям и учащимся? Ведь во что превратились выпускные экзамены? Охрана, видеонаблюдение, запись ответов на камеру. Словно учителя и учащиеся отъявленные негодяи, которые так и норовят списать, подсказать, подправить, дать или получить взятку. Кого мы так готовим? Каких людей воспитываем? Давайте ещё колючей проволокой школу огородим и танки подгоним. А на крышу – пулемёт. Так, чисто для контроля.

Надо детей учить, а не только проверять. Школы уже изнасилованы бесконечными проверками и аттестациями. Такие экзамены не нужны ни ученикам, ни их родителям, ни учителям. Создаётся впечатление, что они нужны только тем, кто на них зарабатывает. ЕГЭ превращается в циничный бизнес, построенный на рабском, безропотном труде простых учителей и приносящий кому-то «неслабое» финансирование, плюс к тому же доходы от продаж ежегодно обновляемых методических и учебных пособий. А весь «геморрой» при этом – организационный, материально-технический и прочий – спускается на места, в регионы без всякой финансовой поддержки.

Не лучше ли вкладывать средства не в проверку, а непосредственно в образование, например, в подготовку учительских кадров? И пулемёты со школьных крыш, конечно же, нужно убрать.